

за лило вело

Светлана Блохина

Светлана Сергеевна Блохина

Залиловело. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73746688

Залиловело:

ISBN 978-5-00246-572-9

Аннотация

«Залиловело» – третья книга Светланы Блохиной. Лирика здесь дышит настоящим временем: любовь и тревога, дом и улица, тишина и гул истории существуют рядом, не споря друг с другом.

Блохина пишет через осязаемые образы – зелёное солнце, облепиховый чай, берёзовые серёжки на асфальте, январский снег за стеклом. Стихи плотные, собранные, без лишних слов. В них есть уязвимость и резкость, материнский страх и нежность, разговор с городами и попытка понять, как жить и оставаться человеком, когда мир трещит по швам.

«Залиловело» – книга о состоянии, которое трудно назвать, но легко узнать: когда темнеет и светлеет одновременно. Это рассвет или закат?

Содержание

Предисловие	6
Залиловело	9
«Когда сирень...»	10
«Платье с маками из хлопка...»	11
Зелёное солнце	12
«Нежность...»	13
«Грандиозное...»	14
«Всё в одно сливается, всё в одно...»	15
«...и тут я такая...»	16
«...а когда погаснут звёзды и фонари...»	17
«Счастье – как сиеста после моря...»	20
«Небо серое, лужи мокрые...»	21
«По аллеям мы шли да скверам...»	23
«Удушливое, приторное лето...»	25
«Дальше, чем кажется...»	26
«Эти звёзды смотреть тут...»	27
Человек человеку – вечность	30
«Держал вроде за руку...»	31
«Тени меркли, люди тоже...»	33
«Хочется писать ему ночью...»	34
«Мы сидели напротив окна...»	35
«Вместе были неделю...»	37
«Сидим с тобой...»	38

«Нам с тобой сложно...»	40
«И светофоры...»	42
«Бросая фразы, как карманный мусор...»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Светлана
Сергеевна Блохина
Залиловело**

© Блохина С.С., текст, 2025

© Крылова В., иллюстрации, 2025

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2025

Предисловие

Светлана Блохина – поэт своевременный. Сейчас, когда всё грохочет, в том числе и поэты, лирическое слово в особой цене. С первых слов этой книги читатель будто погружается в тёплое марево, где истины просты и счастье просто: идти за руку с тем, с кем хочется идти. Название книги «За-лиловело» – далеко не случайно. В нём есть ман-кость необъяснимого. В нём есть тяжесть русской ночи и надежда на рассвет. В его грамматической конструкции – бесконечное движение, непрерывность природы и всего сущего.

Светлана Блохина умеет так сказать о чувствах, когда кажется, что лучше и не скажешь.

Нежность
мурашками по спине
перерастает в дрожь.

Я говорю:
иди
ко мне.

И ты идёшь.

Она умеет так применить синтаксис, что фраза будто ограняется, сияет всеми своими гранями, выглядит гибкой

и органичной. Здесь нет попыток усложнить стих, слишком углубиться в формальную сторону, но и попыток идти проторенными поэтическими дорогами также не наблюдается. Автор всё время ищет себя, и этот поиск оставляет смысловые конструкции в рамках традиции. И эта традиция и есть самая главная смелость и новизна. В этой новизне есть и работа с ритмом, игра паузами, использование интонации для создания особой эстетики.

Всё в одно сливается, всё в одно,
Белой дымкой к памяти ложится лист:
«Если мне оторваться не суждено,
То и я буду тоже пуглив и чист».
Как зима, как дом, где никто не жил,
Как тоска, метафорами в сети,
Вот, лови её, веришь, крадётся ли?
А не верится, выверни, докрути.

Приятно, что Блохина не замыкается на одной интонации. Она способна вдруг передёрнуть лирический тон самоиронией, и получается это весьма эффектно:

...и тут я такая,
до ужаса трогательная,
Прячу взгляд, краснею,
красноречиво молчу:

– Не хотите ли Вы

стать моею любовницей?

– Что Вы несёте?!

Ну, конечно, хочу.

Чего тут больше? Маяковского или Северянина? Не принципиально. Главное, русская поэтическая нить. И хорошо, что есть кому подхватить её, потянуть с новой силой.

В целом Блохина – за плотность, сгущённость поэтических инвектив. Она не позволяет себе общих поэтических мест, взвешивает всякое слово, ювелирно работает с рифмой. Её строки достигают самого сердца, трогают за живое, в них голос женщины, которая своей мягкостью способна изменить мир. Её поэтическая повадка красива, лирическая глубина дополняется исповедальным личным тоном. Думаю, что Светлана Блохина вплетает свой особый голос в русскую поэтическую картину весьма заметно. Пусть больше будет стежков, читатель за это только поблагодарит судьбу.

Максим Замиев,

Главный редактор

«Литературной газеты»,

Председатель Правления МГО

Союза писателей России,

Президент «Академии поэзии»,

член Совета по развитию

гражданского общества и защите

прав человека при Президенте РФ

Залиловело

«Когда сирень...»

Когда сирень
уже окутала сады,
А мимо ты идёшь,
понурый и несмелый.
Коснись моей руки.
Коснёшься и
поймёшь —

Залиловело.

И дрогнет ночь,
И тень пойдёт волной,
И кажется, уже
заметен воздух.
А стоило всего-то
немного
быть собой,

Так просто.

«Платье с маками из хлопка...»

Платье с маками из хлопка,
Ветер шёлком по плечу,

Я кокетливой походкой
На свидание лечу.

Лето выжигает пряди,
Сеет мне веснушек рой:

Вот оно, простое счастье —
Быть влюблённой и живой.

Не смотреть на время суток
И цвести, цвести, цвести...

И идти вот так, за руку,
С тем, с кем хочется идти.

Зелёное солнце

И такое бывает тоже,
Я погуглила.

Ну и пусть:

Если солнце склонится к луже,
То и я к тебе прислонюсь.

Словно к выжженному светилу,
Но зелёному, от тоски.
Потому, что другим светило,
А теперь — только мне свети.

Или к чёрту: фотоны, веру,
Астрофизику, странный мир...
Где-то в небе грустит Коперник,
Весь в зелёных лучах любви.

И зелёным мерцает лужа,
Вперемешку со мхом, травой...
Если солнцу такой цвет нужен,
Ты мне тоже, зелёный мой.

«Нежность...»

Нежность
мурашками по спине
перерастает в дрожь.

Я говорю:
иди
ко мне.

И ты идёшь.

«Грандиозное...»

Грандиозное,
монументальное построение,
твое сердце,
словно в записях Пуаро,
всё скрывает в себе
и без пафосных сожалений
на секунды зачем-то
оцифровывает в табло.
Жизнь – как обрезок
от горькой, нелепой матрицы:
«Вам красную или синюю,
извольте забрать сейчас».
Но вместо таблеток
закидываемся романсами
и говорим уныло,
мол, время решает за нас.
А если читать ночами,
то лучше, чем есть, не сделаешь,
потонешь в суровой реальности
вымышленных имён,
а я буду спать, как раньше,
уткнувшись в любимое тело,
и что-то во сне чертить
на стяге твоих знамён.

«Всё в одно сливается, всё в одно...»

Всё в одно сливается, всё в одно,
Белой дымкой к памяти ложится лист:
«Если мне оторваться не суждено,
То и я буду тоже пуглив и чист»
Как зима, как дом, где никто не жил,
Как тоска, метафорами в сети,
Вот, лови её, веришь, крадётся ли?
А не верится, выверни, докрути.
Лаской женской, пальцами по плечу,
Заверни её в брошенные слова.
Я не знаю, этого ли хочу,
Всё кручу, а туда ли кручу, туда?
Как запястье хватает мужская кисть,
Прижимая к выемке на стене,
Так и снег идёт, так и снег, и жизнь,
Так и ты, наконец-то, иди ко мне.

«...и тут я такая...»

...и тут я такая,
до ужаса трогательная,
Прячу взгляд, краснею,
красноречиво молчу.

– Не хотите ли Вы
стать моею любовницей?
– Что Вы несёте?!

Ну, конечно, хочу.

«...а когда погаснут звёзды и фонари...»

...а когда погаснут звёзды и фонари,
мы закончим, стало быть, говорить:

без логичной связки
неосторожных фраз,
без желанья выделить
новый шанс,
без того, что после,
возможно,

сочтём виной,
мы закончим
и вместе пойдём домой.

Мы пойдём и вместе
откроем дверь,
только звёзды
останутся в рюкзаке:
грань, которую лучше
не переходить.

Этого ты хотел?
Абстрагироваться от любви,
запретить себе думать
и чувствовать,
тяжело?

Ничего из этого.

Стало быть, ничего.

Свет погасят утром,

чтобы подбить баланс,

так бывает каждый

проклятый раз:

будто сон во сне,

без акцента на время дня.

Абстрагироваться

не

получится у меня.

Это то, что несу в руках,

в волосах, в сети,

это то, что может обжечь,

обласкать, спасти,

это лист несрываемый,

сильный и молодой,

это то, что осенью я заберу с собой.

И сложу под книгу,

как ботаник, в гербарный стыд:

города будут рушиться от любви,

Эверест сравняется

с вмятиной на коре.

Абстрагироваться
означает, что умереть.
И гореть бы до хрипа,
срывая себя с куста.

Вот оно в груди.

А ты говоришь —
пуста.

«Счастье – как сиеста после моря...»

Счастье – как сиеста после моря,
Как волна, бегущая в закат.
Время, проведённое с тобою,
С полотенцем, взятым напрокат.

И песок, захваченный на пальцах,
В босоножках, сбитых от ходьбы.
К счастью очень просто прикасаться —
Это ток, с руки и до руки.

Чувствуешь? Других не замечая,
Эта связь лишь зреет на глазах,
Где внезапно громкое молчанье
Растворяет ароматы мальв.

«Небо серое, лужи мокрые...»

Небо серое, лужи мокрые —
Обменялись фактами.
Поддержи меня,
Поддержи меня.

Только выйдет вряд ли, но

Попытаемся, словно исповедь,
Шёпотом таинственным
Говори со мной,
Говори со мной.

Будь со мной, единственным.

Силой, тенью, робким словом —
Болью и знамением.
Успокой меня,
Успокой меня.

Смехом, плачем, пением.

Говори на всеязыком,
На едином, можешь ведь?
Будь со мною,
Будь со мною.

Остальное – сложится.

«По аллеям мы шли да скверам...»

По аллеям мы шли да скверам,
А куда?
До сих пор идём.
Человек человеку верен,
Если время идёт на счёт.
Человек человеку – вечность,
Ток, бегущий от пальцев
К,
Где свидетель их
Первой встречис—
Тень от сжатой
В кулак руки,
Да холодный, игривый ветер,
До сих пор
Не менявший ось.
Человек человеку —
Вечность,
Сон, забава, мгновенье,
Кость,
Тазобедренных линий
Волны,
Оснований плетущий шаг,
Отдающий тоской
И болью.
И не пережитый.

Никак.

Расцветающий

Сразу зноем,

Да по скверам, аллеям

К —

О тебе, без тебя,

С тобою.

Бесконечно —

Шаги,

Шаги.

«Удушливое, приторное лето...»

Удушливое, приторное лето,
С клубничным послевкусием во рту,
В потоке юго-западного ветра
С меня снимает сон и суету.

Куда ступи – нет тени и смиренья,
Куда взгляни – завален горизонт,
Как зеркало во мне букет сирени,
И кто-то третий отражается в него.

Жара пройдёт, как грозовая туча,
Сиюминутной каплей по плечу,
И эхом отзывается разлучье,
Как будто я его по-прежнему хочу.

По шумным тротуарам Москворечья
Несётся время самокатом на рожон.
Июль назойлив, взбалмошен, беспечен,
И тоже во мне кем-то отражён.

«Дальше, чем кажется...»

Дальше, чем кажется,
Мы.
Нас разделяет обида,
Где по ту сторону видно
Пурпурный оттенок зимы.
Где, ожидая весну,
Тени идут бурлаками,
Нас разделило не пламя —
Мы сами,
Подобные льду,
И цепи звенят у колен,
А руки немеют от боли,
И всё же мы оба
Довольны,
Хотя...
Sois honnkt
avec toi-mkme

«Эти звёзды смотреть тут...»

Эти звёзды смотреть тут
не пересмотреть,
вот одна словно крыши
сейчас коснулась,
ты видел?
В их сиянии гаснет
моя густокроная медь,
на глазах превращаясь
в изумрудные тонкие нити.

Это лето игриво —
то жар, то дожди, то ветра,
рассыпаются в зное
нелепые цели на месяц.
«Ты кого-нибудь любишь?» —
себя, я отвечу, себя.
Может будет понятней,
почему одиночимся вместе.

Я пока не готова:
ни к смерти, ни к сентябрю.
Там хоть яблоки,
падают сразу в ладони,
смиренно.
Я лилитовым вздохом останусь

и в себе его растворю:

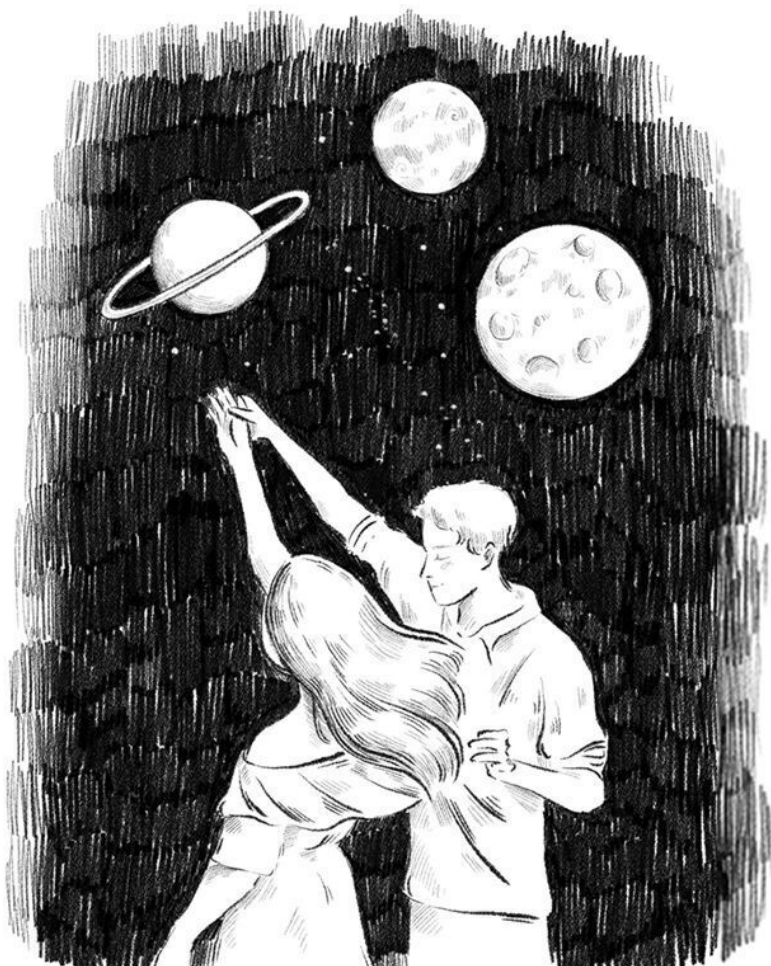
на колени, любовь моя.

На колени, любовь.

На колени.

Человек человеку – вечность

«Держал вроде за руку...»

Держал вроде за руку,
А падало трепетно сердце
И билось в попытке выбраться
Где-то внизу живота.
Он мне предлагал оставаться,
Лечиться водкой и перцем,
Укрываться одним одеялом
И вместе болеть за «Спартак».
Гулять по осеннему парку
И мокнуть в чернеющих лужах,
Говорить о прекрасном Вертинском
И пить дагестанский коньяк.
Мой сонный обманчивый мир
С ним великолепно разбужен.

Я любила бы этого мужчину,
Да. Определённо так.

«Тени меркли, люди тоже...»

Тени меркли, люди тоже.
В одинаковых очках
Мы смотрели осторожно,
Как касается рукав,
Прижимается к другому
И теряется за ним:
Так и шли с тобою к дому,
Словно не были людьми.
Словно тени за очками:
Два пальто, внутри пустых,
Не испорченных словами
И не созданных для них.
Как из мультика какого,
Где среди больших домов
Есть фонарь, любовь и двое,
Между ними – никого.
Тени меркли. Мы за ними.
Лишь румянец на щеках,
Близорукостью гонимый
Отражался в облаках.
Да закат багряной розой
Насмехался вдалеке.
Два пальто. Очки. Морозно.
И рука дрожит в руке.

«Хочется писать ему ночью...»

Хочется писать ему ночью,
а после
С ужасанием забывать.
И трогательно теряться,
Когда он внезапно ответит.
С удивлением замечать
бабочек
И чрезмерно большую кровать
На двоих, разделённую
полосой бледного света.
И с утра пить чай,
смущаясь,
Прятать голые колени под стол,
Поправлять очки одним пальцем
И всей рукой непослушные пряди.
Думать: «Как же уютно здесь
И чудовищно хорошо.
И как хочется задержаться
В этой непродолжительной стадии».

«Мы сидели напротив окна...»

Мы сидели напротив окна
И решали,
Кто главный тут.
Невесомое одеяло было натянуто
До предела.
Время тянется незаметно,
Мы уже за десять минут
Раздраконили нервы, друг друга,
Пространство, квартиру и тело.
Тяжело быть упрямым, не спорь,
И тебе тяжело,
Если ты будешь спорить, то это
Пустое упрямство.
Что мы делим?
Самое большое простое число
Бесконечно в своем продолжении,
Так что можно и закругляться.
Очень детское противоречие,
И причины не только во мне.
Как и связь, как и следствие,
Как и всё, что приводится, — мало.
Тишина обрастает условностью,
Уголок на твоей стороне.
Мне известно простое число.
И не нужно твоё одеяло.

«Вместе были неделю...»

Вместе были неделю,
День тянулся за месяц,

Дом превратился
В некую тихую гавань.

Он хотел ее бросить,
Она мечтала повеситься.

Ну, в принципе,
Оба достигли желаемого.

«Сидим с тобой...»

Сидим с тобой
Под молнией,
Считаем вспышки
и —
Над городом,
Над гордостью
Сошлись
Круги, круги.
Разъяренное облако
Сидит в груди,
Глазах,
А мы напротив спорим
О всяких мелочах:
О музыке, о правилах,
Политике, борьбе,
О том, кто лучше знает
Себя и о себе.
Как два упрямых
Дерева,
Склоняющих стволы
От времени, от ветра,
но
К любви, к любви,
К любви.
И вспышки света —

Таинство —
Повсюду на Земле.
Вот – видишь,
Вот – склоняется.

А ты не верил
мне.

«Нам с тобой сложно...»

Нам с тобой сложно.
Одинаково завязались
Друг на друге,
На слове, желаньях,
На любых проявлениях любви.
Мы собой не владеем – мы таем,
Растворяемся в фазе мечтаний,
Доверяя друг другу границы,
Исключительно,
Когда одни.
А потом справа-позади люди,
А потом чьи-то фразы и шутки,
А потом обрывается связка,
Как единая нить ДНК,
И мы тянем взгляды и руки,
Кто-то рядом посягает на место,
На законное, скажем так, место,
Предназначенное для тебя.
Обижая, стремимся к единству,
Унижая, стремимся к единству,
И сбегаю, стремимся к единству,
И всегда стремимся к нему.
И мы вместе – телом и в мыслях,
В голове, во сне, снова – вместе.
Ни на милою других не пуская

К Обожаемому Своему.

«И светофоры...»

И светофоры,
Сегодня все красные,
Мне говорят:

«Не иди».

Хочется поговорить,
Да напрасно ли —
Вечность
Стоит на пути.

Я – человек
С простой анимацией,
Пиксельный,
Точечный
Я.

Хочется выйти
Из этой стагнации,
Лёгкостью стать
Бытия.

Красным кружком,
Запрещённым к познанию,

Тянется день,
Разговор.

Все светофоры
Погаснут,
И я с ними.
Что будет до
Этих пор?

Пиксели сложатся
В руны,
Иероглифы,
В граффити
Траурный вой.

Я не хочу ни о чём
Беспокоиться.
Поэтому не

Беспокой.

«Бросая фразы, как карманный мусор...»

Бросая фразы, как карманный мусор,
Мы шурились на солнце и часы.
И день скользил, как будто и не в курсе,
Что мы свободны, влюблены и злы.
Покорным эхом следовали мы с ним,
Друга друга повторяя наизусть.
Заикленность в словах – избыток мыслей,
Хотя казалось – недостаток чувств.
И всё так закружилось – кони-люди,
Москва, Ростов, Санкт-Петербург, Кузбасс.
Там сотня мест, где нас уже не будет,
И ничего уже не связывает нас.
Забудутся значки и обещанья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.